

Глава 453: Остановка и управление повозкой, разговор о деньгах и предложение меча

Повозка Ортодоксальной Академии с быстрой скоростью покинула главную аллею Северного Военного Департамента.

У собравшейся толпы снаружи аллеи не было времени среагировать. Даже Мао Цюй и Принц Чэнь Лю не знали, что произошло в том маленьком дворе.

С отъездом повозки пять сотен всадников Ортодоксии покинули это место, оставив лишь следы пыли.

Чэнь Чаншэн и остальные были в такой спешке не потому, что Чжэсю был так серьезно ранен, что с трудом цеплялся за жизнь, а скорее потому, что на их разум пала тень того маленького двора, который был слишком ужасающим!

Лежа на носилках, Чжэсю был одет в чистую одежду. Его лицо было своеобразно бледным от того, что не видело солнца некоторое время, а его тело было довольно истощенным. Однако, не было видимых ран, так что его ситуацию можно было считать нормальной.

Пока повозка двигалась по улице, ветер поднял край занавеса. Танг Тридцать Шесть смог увидеть один из карнизов Тюрьмы Чжоу и его лицо немного побледнело. Он подсознательно усилил хватку рукояти своего меча. Более не было видно спокойного и уверенного вида, который был у него при разговоре с Чжоу Туном.

Тюрьма Чжоу была коварной, но действительно пугающим в ней был сам Чжоу Тун.

Голова Чэнь Чаншэна была опущена, а с его волос уже стекал пот. Казалось, что он только что закончил делать какую-то невероятно тяжелую физическую работу.

Он вынул платок из рукава и вытер пот на лице. Затем он сжал его в своей ладони и окружил его истинной эссенцией.

Прежде, чем он вошел в Тюрьму Чжоу, он массировал этот платок.

Он редко потел, настолько редко, что Танг Тридцать Шесть и Сюаньюань По ни разу не видели этого.

Обстоятельства этого дня были особенными. Ранее он рассчитывал, что, возможно, вспотеет сегодня.

Лишь убедившись, что платок, промокший потом, не источал тот странный запах, от которого ему было неловко, Чэнь Чаншэн действительно успокоился.

Противостояние Чжоу Туна в том маленьком дворе для него было намного более пугающим, чем битва с Чжоу Цзыхэном.

Потому что в этой стычке их умам пришлось справляться с невероятно ужасающим давлением.

«Не вытирай свой рот», - сказал ему Танг Тридцать Шесть, пока юноша непрерывно вытирал пот.

Чэнь Чаншэн на миг замер и спросил: «Почему?»

Танг Тридцать Шесть ответил: «Вытирание рта платком делает тебя похожим на Чжоу Туна.

Это будет выглядеть очень странно».

С передней части повозки раздался смех Сюаньюань По. У этого искреннего юноши-медведя стандарт для юмора всегда был настолько низким.

Эта шутка не была забавной, но настроение в повозке в некоторой степени полегчало.

Чэнь Чаншэн постепенно успокоился и начал проверять раны Чжэсю.

Он поместил палец на меридианы Чжэсю и начал тихо слушать. Вдруг в помещении послышался приглушенный удар, когда его палец отскочил от вены.

Танг Тридцать Шесть спросил: «Что происходит?»

«Приливной порыв крови, его старая болезнь».

Чэнь Чаншэн почувствовал, что с пульсом Чжэсю была проблема. Он сморщил лоб, не говорил ничего более. Он снял металлические иглы с пальцев, расстегнул воротник Чжэсю, и приготовился проверить его состояние с помощью игл.

В тот миг, как он расстегнул воротник, его пальцы замерли.

Когда Танг Тридцать Шесть увидел это, его тело тоже замерло.

Пальцы Чэнь Чаншэна начали дрожать, но он все еще держался, медленно расстегивая одежду, раскрывая тело Чжэсю.

Да, на лице Чжэсю не было и малейшей раны, и не было и одного признака ран или пыток. Потому что все это было на его теле.

На теле Чжэсю не было и одного целого дюйма тела.

Все было в ранах и сгнившей плоти.

Даже были места, где были видны белые кости.

Даже были места, где кости почернели.

У Чэнь Чаншэна не было идеи о том, от скольких пыток страдал Чжэсю, сколькими токсинами его отравили.

Он также не хотел знать, потому что не мог вынести этих знаний.

Помещение повозки было мертвенно неподвижным.

«Останови повозку!» - вдруг закричал Чэнь Чаншэн.

Голова Танга Тридцать Шесть была опущена. В какой-то миг его правая рука вновь крепко сжала рукоять Меча Вэньшуй.

Сюаньюань По не знал, что произошло в повозке. Остановив повозку, он вошел и увидел плачевное состояние Чжэсю.

Его глаза вмиг покраснели, его дыхание стало грубым и учащенным в его ярости. Его руки

начали становиться толще, а из кожи начали прорастать подобные стали волосы, это были признаки метаморфозы.

«Я собираюсь убить Чжоу Туна!»

Чэнь Чаншэн и Танг Тридцать Шесть ничего не говорили, но они оба думали об этом, вот почему он закричал остановить повозку, вот почему он сжимал рукоять меча.

Чжэсю был подвержен страданиям до такого ужасного состояния, что даже Чэнь Чаншэн находил невозможным сохранять свой спокойный стоицизм. Танг Тридцать Шесть еще меньше заботился о своей идентичности наследника благородного клана.

Если было сказано, что Лян Сяосяо использовал собственную смерть для обвинения Чжэсю в сговоре с демонами, то можно было сказать, что Чжэсю пострадал от своей причастности к Ци Цзянь. Тогда, когда Чжоу Тун отказывался выпускать Чжэсю и использовал настолько жестокие методы, чтобы мучить его, можно было сказать, что он переносил эти мучения вместо Ортодоксальной Академии.

Они были Ортодоксальной Академией, так что, естественно, они должны отомстить за Чжэсю.

В этот миг Чжэсю открыл свои глаза.

В глубинах его зрачков все еще был лимонно-желтый оттенок.

Это была смесь яда Нанькэ и свирепой крови племени волков.

Однако, потому что он был отравлен столькими токсинами в Тюрьме Чжоу, все эти яды взаимно взаимно боролись друг с другом. В эти последние несколько дней к удивлению его зрение постепенно восстанавливалось.

Каждый раз, когда он просыпался в Тюрьме Чжоу, он встречал безграничную и нескончаемую боль, так что, когда он открыл глаза, они были холодными и наполненными ненависти.

Но через миг он осознал, что не видел те странные орудия пыток, которые, как казалось, были построены для использования на оборотнях, а три юных лица, наполненных глубокой заботой!

Чжэсю потребовалось несколько секунд, чтобы полностью прийти в себя, и он даже начал догадываться по их выражениям лиц, что они собирались делать.

Настороженность и ненависть в его глазах постепенно исчезли, но его лицо все еще было безэмоциональным. Он прямо сказал Сюаньюань По: «Веди повозку вперед».

Его голос был невероятно слабым, но он, казалось, обладал чувством, что ему нельзя было перечить.

Сюаньюань По закричал: «Мы собираемся атаковать Тюрьму Чжоу, чтобы отомстить за тебя».

Чжэсю посмотрел на него и безэмоционально сказал: Там есть много горячих столбов. Ты хочешь приготовить зажаренную летом медвежью лапу для них?»

(прим.пер. Горячий столб - это древнее Китайское наказание, когда жертву привязывали к разгоряченному металлическому столбу и сжигали до смерти».

Это тоже была шутка, которая не была очень смешной, и никто не смеялся в этот раз.

Конечно же, это произошло не потому, что все были ошеломлены, потому что Чжэсю никогда не шутил.

«Но действительно невозможно проглотить эту эмоцию», - сказал Танг Тридцать Шесть.

Чжэсю ответил: «Когда ты не можешь победить своего врага, ты должен держаться. Ты должен держать на нем взгляд, становиться сильнее, а потом убить его в один укус».

Это был путь существования волков.

Чэнь Чаншэн с жалостью сказал ему: «Прости, это все произошло потому, что я вовлек тебя в это».

Чжэсю закрыл глаза, игнорируя его.

Сюаньюань По вернулся в переднюю часть повозки и они продолжили ехать по улице.

Тюрьма Чжоу все продолжала и продолжала отдаляться.

Но четыре юноши в повозке очень хорошо осознавали, что наступит день, когда они вернутся.

Вдруг в повозке прозвучал холодный и плоский голос.

Это был голос Чжэсю, но его глаза все еще были закрыты.

«Если ты думаешь, что я в слишком жалком состоянии... просто добавь денег и все будет в порядке».

По их возвращении в Ортодоксальную Академию священники Тринадцати Отделений Зеленого Сияния, которые давным-давно ждали их прибытия, начали использовать технику Священного Света для исцеления ран Чжэсю. Впоследствии Чэнь Чаншэн начал лично оказывать медицинскую помощь, с осторожностью используя иглы и скальпель, чтобы обрабатывать ужасающие раны на теле Чжэсю. Потребовалось полдня, чтобы завершить лечение, и к этому времени небо уже стало совершенно черным.

Раны Чжэсю были слишком серьезными. Чтобы сделать обработку ран более удобной и минимизировать движение, он не оставался в тех зданиях у леса. Вместо этого, на деревянном покрытии библиотеки было положено толстое одеяло, чтобы он мог спать на земле.

Чэнь Чаншэн просмотрел каталог Ортодоксальной Академии при освещении лампы, а затем положил его в книжный шкаф. Он обратил глаза к юноше-волку, чьи глаза были крепко закрыты, который терпел боль, не говоря ни слова. Чэнь Чаншэн вспомнил, что в Саду Чжоу Чжэсю сказал, что хотел меч.

«Деньги... в данный миг, у меня их немного». Чэнь Чаншэн не придавал никакого внимания злобному взгляду, направленному на него Тангом Тридцать Шесть со стороны. Он сказал Чжэсю: «Но у меня есть много мечей. Ты можешь выбрать любой, который тебе нравится».